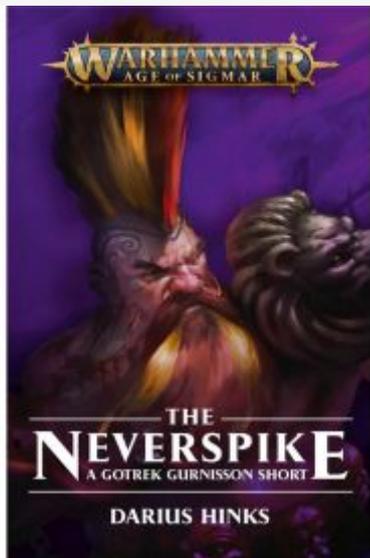

Невозможная вершина / The Neverspike (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Невозможная вершина / The Neverspike (рассказ)

Автор	Дариус Хинкс / Darius Hinks
Переводчик	Serpent
Издательство	Black Library
Серия книг	Готрек_Гурниссон / _Gotrek_Gurnisson_(цикл)
Входит в сборник	A Gotrek Gurnisson story
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Я смотрю на выстреливающий тлеющими углями поток, слушая шипение волн и щелчки моей остывающей брони. Избежать смерти всегда намного труднее, чем найти её. Возвращение из подмирья было похоже на очередную Перековку, очередное свежевание моей души. Мой разум так же сломан и искажён, как и моя броня, но постепенно память вновь сливается воедино. Все воины моей свиты пали. Моя вспышка гнева. Они заколебались. Они проявили слабость. И они заплатили цену.

- Мы сражаемся. Мы убиваем, - мой голос трескается от ярости. - Мы побеждаем.

Я стою на склоне Убиенного пика, в трёхстах милях над Пламенным морем, залитый кровью и покрытый

сажей. Я выгляжу, как одна из развалин, что разбросаны по предгорьям внизу. Врата владений выплюнули меня на мелководе, и мои боевые молоты всё ещё тлеют там, где выкованный богом металл пробивался сквозь жар Пламенного моря.

Я шепчу имена павших, обвиняя, не благословляя, а затем отворачиваюсь от моря, стряхивая пепел со своих сине-зелёных доспехов. С этой высоты я вижу всю долину. В дальнем конце возвышается грозная крепость, вырисовываясь на фоне словно выбитого из золота неба. Ипсала. Гордость Зулланского побережья. Здесь базируются пять славных свит Небесных Поборников, все - ветераны войн за Врата владений - стражи Южных округов. Два дня марша. И я предстану перед воинами, достойными имени Грозорождённых Вечных. Моего собственного, мстительного рода. Они поймут, почему я вернулся. Они никогда не подведут меня, как Молоты Зигмара.

Когда я спускаюсь по склону, язычки пара поднимаются по почерневшим камням, шипя и вздыхая.

«Молоты Зигмара не подвели тебя, Трахос. Всё было наоборот. Это ты подвёл их».

Обвинение останавливает меня, и мой разум возвращается обратно в Шаиш. Мой пульс учащается, когда я вспоминаю бледные истощённые тела, всё ещё тлеющие в развалинах. Тонкие, сломанные конечности хватились за дым, наполняющий воздух.

- Я никого не подводил. Молотам не хватало стали.

«Ты убил тех людей».

- Я был безжалостен. Как и должен быть. Все эти жалкие души поклонялись Богу-предателю. Они носили символы Нагаша. Ни один из них не заслуживал пощады. Молоты Зигмара были ослеплены жалостью. Это была их ошибка.

«А что с их душами, Трахос? Ради чего ты и был сделан. Ты не можешь просто отбросить их в сторону».

Я спускаюсь по склону, качая головой и пытаюсь избавиться от мерзкого голоса. Я надеялся оставить его в подмирах Нагаша. В нём есть что-то неестественное. Это не просто мой разум, вопрошающий самого себя - это отдельный голос, звенящий в моём разуме, обвиняющий меня.

«Если бы ты не потратил так много времени на сжигание этих хижин, Молоты Зигмара всё ещё были бы живы. Ты потерял себя в насилии. Ты забыл, что мы должны делать. Ты позволил овладеть собой жару убийства».

Я стучу перчаткой по шлему.

«Как ты думаешь, что они скажут, когда ты доберёшься до крепости? Когда расскажешь им, сколько людей потерял? Что ты ответишь, когда они спросят, как это случилось? Как ты объяснишь столь много смертей? Они узнают, Трахос. Почему они должны отправить тебя обратно в Азир? Твоя работа не закончена. Они вернут тебя обратно во тьму».

Я не могу вернуться. Ещё нет. Пока не буду полностью уверен в себе. Я напрягаю все силы, чтобы мой голос оставался ровным.

- Молоты Зигмара виноваты в том, что произошло. Они должны были сжечь это место ещё до того, как до него добрался я. Гейсты уже покидали свои укывища. Мы должны были уйти раньше.

«Ты боишься возвращаться. Ты трус».

- Кто ты, - кричу я. - Убирайся из моего...

Проносья эхом между укрытыми паром пиками, по воздуху разносится вой, заставляя меня замолчать.

Я приседаю, сжав в каждой руке молот. Это был крик зверя. И, похоже, крупного.

Что-то мелькает на следующем открытом участке, чудовищная тень, извивающаяся в облаках.

Кто-то издаёт боевой клич, глубокий и дикий, почти столь же звериный, как и вой, что ему предшествовал. Вспышка света и лязг металла, бьющего по камню.

Я гляжу на твердь Зиганиума. Как только я доберусь до неё, то смогу отчитаться и уйти. Голос в моей голове лжёт, но его присутствие беспокоит меня. Как и пробелы в памяти. Мне нужно домой. Нужно увидеть шпили Азира и искупаться в их святом свете. Мне нужно посоветоваться с лордом-целестантом.

«Ты боишься».

- Никогда, - бормочу я, но понимаю - что-то не так. Голос слишком чистый. Слишком чуждый. Кто разговаривает со мной?

Разнёсся ещё один оглушительный вой и ответный клич, сопровождаемый звуком разбивающихся камней. Я вглядываюсь в паровые облака. Там сражается что-то большое. Пики дрожат, словно в хватке лавины. Я смотрю на неровные склоны. Возможно, там и правда обвал.

«Беги домой, Трахос. Прячься. Прежде чем утратишь последние остатки разума».

Я выплёвываю проклятье и отворачиваюсь от долины и грозовой крепости. Я карабкаюсь по скалам, проваливаясь в расщелины и выбираясь вновь, мои ботинки плавятся от жары, но я продолжаю пробираться на другую гору, на шум схватки. Может, некоторые из Молотов Зигмара выжили и теперь пытаются пробиться к крепости Зиганиум? Если это правда, и кто-то действительно выжил, что бы он смог рассказать? Мои воспоминания о Шайше - пелена из крови и воплей. Что я делал там? Мог ли выжить кто-нибудь из Молотов Зигмара? Я не видел смерть каждого из них. Свет Зигмара падал из-под облаков, отбрасывая мрак Шайша, утаскивая души обратно в Азир, но я не смог сосчитать все вспышки.

Я оглядываюсь кругом. Убиенный пик - весьма коварное место. Из ям-жаровень постоянно вырываются обжигающие кожу гейзеры, часты и оползни, но дикая жизнь пика - вот истинная угроза. Если один из моих людей здесь, то я обязан помочь ему, что бы он не видел в царстве Смерти.

Звук сражения становится всё более неистовым, когда я, наконец, переваливаюсь через гребень и врываюсь в облака пара, сверкая молотами в каждой руке.

Я прорываюсь сквозь облако и замираю в шоке.

Я стою на краю широкой, чашеобразной впадины несколько сотен футов в окружности, окружённой каменными клыками. В её центре три фигуры и ни одна не является Грозорождённым Вечным. Первая - одетая в чёрное, нечеловечески стройная и бледная альвийка, сжимающая кинжалы. То подступая, то снова отпрыгивая, ловкая и быстрая, она ищет возможность для удара. Сбоку от неё нечто особенное. Несколько мгновений я пытаюсь подобрать ему название. Он короче человека, но с такой выпуклой мускулатурой и покрыт таким количеством шрамов, что напоминает кусок горы. Наконец я решаю, что это дуардин, огненно-рыжие хохол волос на голове и борода говорят за то, что он огненный истребитель.

Вот только он больше - намного больше - любого из их рода, которых мне доводилось встречать. Шириной он не уступает буйволу, а его руки напоминают стволы деревьев. Я бы назвал его великим королём или лордом, если бы он не выглядел столь помешанным. Один его глаз закрывает повязка, а в грудь вбита пылающая с яростью упавшей звезды металлическая руна. Руна - это и есть источник того света, что я видел сквозь облака. Даже не прибегая к помощи своих инструментов, я могу с уверенностью сказать, что она не похожа ни на одну из тех, что носят другие огненные истребители. Из неё исходит столько эфирной энергии, что устройства, подвешенные к моему поясу, трещат и жужжат, откликаясь.

За исключением набедренной повязки, дуардин обнажён, и когда его похожие на плиты кулаки сжимаются, рунический свет заливает его тело, с мерцанием проносясь через его мышцы и воспламеняя жаровню на верхнем торце его боевого топора. Его взгляд дик и рассредоточен, пот покрывает его грязные татуированные конечности. От него исходит такая густая животная вонь, что я чувствую её даже на расстоянии дюжины футов. Он издаёт очередной боевой клич и со всех ног бросается на своего противника.

Когда я вижу, что он собирается атаковать, то не могу удержаться от смеха. Это змий. Одно из одетых в камень чудовищ, что процветают на раскалённых склонах Убиенного пика. Он столь же высок, как сторожевая башня, а расправленные крылья заслоняют небо, погружая нас всех в тень.

Дуардин наверняка безумен. Даже я не стал бы схватываться с подобным колоссом.

Змий открывает полную клыков-сабель пасть и изрыгает оползень, швыряя камень и щепень по всей долине.

Я качаю головой и разворачиваюсь, собираясь уйти. Дуардин обречён. Я ничем не могу помочь ему, даже если бы захотел.

Дуардин продолжает реветь, когда камни врезаются в него.

Я запинаясь и оглядываюсь назад.

Пыль и поднятый в воздух мусор заполняют пространство, и на мгновение я слепну. Но вот тучи рассеиваются, и я вновь не могу сдержать смех.

Дуардин по-прежнему стоит. Вокруг него куча камней и гравия, но змий не смог его даже ранить.

Я качаю головой. Подобного бы хватило, чтобы сровнять с землёй небольшую крепость.

Рядом с ним сгорбилась альвийка. И, похоже, она тоже не пострадала, укрывшись за дуардином.

Дуардин расшвыривает обломки и снова бросается вперёд, рунический свет блестит в бороде и пульсирует в мышцах, и змий колеблется от замешательства.

Наконец зверь справляется со ступором, поднимается на задние лапы и извергает ещё больше камней.

И вновь впадина наполняется шумом и пылью. И вновь, когда облака рассеиваются, дуардин невредим, подбородок вызывающе выпячен, адский свет горит в единственном глазу.

Змий прыгает вперёд, приземляясь с таким ударом, что камни под моими ногами трескаются, и я скатываюсь в долину.

Зверь взмахивает хвостом размером с дуб и с размаху опускает его на голову дуардина.

А затем с грохотом обвала дуардин отрубает хвост напрочь, отбивая его столь же легко, как удар меча.

Змий спотыкается, когти цепляются в камни, широкие крылья трепещут, поднимая клубы пыли.

Монстр пытается отступить, но дуардин несётся вперёд, запрыгивает на торчащий камень и прыгает, держа топор обеими руками и занося его над головой.

Змий извергает ещё больше камня, но дуардин слишком быстр - словно атакуя гору, он вбивает топор в грудь создания.

Зверь дёргает крыльями, собираясь взлететь, но тут из пыли возникает альвийка и вонзает в ногу змия свои кинжалы. Это явно не обычное оружие. Клинки с лёгкостью прорезают каменную шкуру, и альвийке приходится быстро отпрыгнуть в сторону, чтобы увернуться от хлынувшей из раны чёрной исходящей паром крови.

Пока альвийка откатывается в сторону, дуардин меж тем поднимается ещё выше по монструозной туше, вонзая топор в челюсть змия и отбрасывая его голову назад.

Я бросаюсь в укрытие, когда создание неуверенно идёт в мою сторону, расшвыривая во все стороны камни и размахивая крыльями.

Альвийка вскакивает на ноги и вонзает свои кинжалы в другую лапу и, когда змий падает, дуардин опускает свой топор на череп монстра.

Наконец, с громогласным гулом драконья туша ударяется об усыпанную щебнем землю.

Когда пыль рассеялась, я оказываюсь лицом к лицу с дуардином.

Он стоит на каменном трупе, глядя на меня своим единственным адским глазом, его борода искрится, топор поднят, а тело дрожит от едва сдерживаемой жажды насилия.

- Может, этого тоже выпотрошить?

У него низкий голос. Дуардин переводит взгляд с меня на альвийку.

Я поднимаю свои боевые молоты и смотрю ему в лицо.

- Подожди, - выкрикивает его спутница и, бросившись вперёд, хватая дуардина за руку. - Он один из наших.

Дуардин крепче сжимает свой топор.

- Один из *твоих*, может быть.

Она встаёт перед ним.

- Он служит Зигмару.

Дуардин не выглядит особенно впечатлённым, но не прерывает альвийку.

- Я - Маленет, - представляется она, подходя ко мне. Я замечаю, что кинжалы по-прежнему у неё в руках. - Я из ордена Зигмара.

Она кхайнитка. Я уже имел дела с культурами Резни. Её лезвия, скорее всего, отравлены. Я не опускаю молоты.

- А это? - киваю я в сторону дуардина.

Она странно на меня смотрит. Не могу с уверенностью сказать, является ли это предупреждением или просьбой. Несмотря на труп змия она, похоже испытывает неудобство рядом с дуардином.

- Готрек, - наконец, отвечает альвийка.

Так близко он представляет собой ещё более странное зрелище. Свет от руны в его груди потихоньку гаснет, но его всё ещё достаточно, чтобы придать лицу дуардина адский вид. Я замечаю, что часть его лица странно покороблена, как будто была обожжена кислотой. Его единственная уступка доспехам - металлический наплечник на левом плече, но он явно позаимствован - изделие слишком грубое, чтобы быть делом рук дуардинов.

- Покажи своё лицо, человек, - рычит дуардин, прищурившись. Он подходит ко мне, минуя альвийку, его борода встопорчилась. Он хлопает по моим доспехам, и я пошатываюсь. Несмотря на то, что голова дуардина едва достаёт мне до груди, я испытываю такое чувство, будто в меня врезалась телега.

Я снимаю шлем и снова смотрю на него.

Он отвечает мне тем же, и когда я уже решаю, что дуардин атакует, тот пожимает плечами и отходит.

- Очередной важничавший рыцарь, - он что-то бормочет на своём языке, возвращаясь к туше поверженного змия.

Я перевожу взгляд на альвийку.

- Он служит Зигмару?

- Я никому не служу! - не глядя на меня, кричит в ответ дуардин. - И менее всего богам.

Я вопросительно смотрю на кхайнитскую спутницу дуардина, но она предостерегающе поднимает руку, показывая, что следует подождать, прежде чем тот отойдёт так далеко, что не сможет нас услышать.

- Что за руна в его груди? - спрашиваю я альвийку, когда дуардин добирается до драконьей туши.

- Я должна объяснить... - начинает она торопливым шепотом, но я прерываю её.

- Что он делает?

Дуардин взобрался на тушу и начал рубить змиеву плоть, наполняя воздух искрами и шумом. Невероятно, но его топор прорезал каменную чешую, разрывая шкуру на куски и заливая землю потоками чёрной крови. Кровь шипит, когда попадает на поверхность долины.

- Мы собираемся совершить обряд, - устало отвечает альвийка. - Он вытащит внутренности, а я после осмотрю их. Надеюсь, на этот раз сработает.

- На *этот* раз?

- Кто-то сказал ему, что только потроха змия могут указать нам правильный путь, но мы пытались уже раз пять, и пока я не отыскала ничего, кроме пары полупереваренных пастухов.

Я не могу скрыть потрясение.

- Это *шестой* змий, которого вы убили?

- Если считать только крылатых, - кивает она.

Я снова перевожу взгляд на дуардина.

- Кто он такой?

- Готрек, сын Гурни. По видимому он родился в каком-то месте, называемом Вечная вершина, и если верить тому, что он говорит, принадлежит к более ранней эпохе, чем эта - и вообще другому миру, если на то пошло.

Я поднимаю бровь.

И вновь вижу в её глазах то самое предупреждение.

- Он не похож ни на одного дуардина, которого я встречала. Он называет себя Истребителем, но ненавидит огненных истребителей так же сильно, как и всё остальное, с чем мы столкнулись. Они заявили, что он один из их богов, присланный им на помощь, но это, казалось, только сделало его ещё злее, - она бросает взгляд на дуардина. - Он не очень-то любит богов.

Она хмурится и переводит взгляд на меня.

- Слушай, больше всего я хочу избавиться от него, но меж его рёбер застряла старшая руна самого Чёрного Молота. И она сильнее, чем ты думаешь. Я поклялась вернуть её в Азир.

- Азир? - мой пульс учащается и в моём разуме начинает формироваться идея.

Она кивает.

- Но у Готрека свои мысли на этот счёт.

- Тогда убей его. Если в Азире нужна эта руна, то почему ты оставляешь её в руках помешанного?

- Ты видел, что он сделал с этим змием?

- Я знаю таких как ты, Истребитель. Грубая сила не защитит от подобных тебе. Ты можешь поцарапать его во сне, и он больше никогда не проснётся.

- Он никогда не спит, - огрызается она и отворачивается, внезапно не захотев встречаться со мной взглядом. В их отношениях явно есть что-то большее, чем она готова признать.

- Он тебе нравится.

Её лицо темнеет, и она крепче сжимает кинжалы.

- Он дурак.

- Но?

Она смотрит на меня, её взгляд полон издевки. Я не могу сказать злится она на меня или на себя.

- Это не просто руна. В нём самом есть что-то странное.

Я продолжаю смотреть на неё.

Она сплёвывает, я почти физически могу ощутить её ярость.

- Я не могу это объяснить. Он говорит, что над ним висит рок и, проведя с ним столько времени, я начинаю понимать, что он имеет в виду. Его невозможно остановить. Что-то хочет, чтобы он преуспел. Или кто-то.

Я киваю. Я видел подобное прежде. Первобытные дикари, уверенные в своей судьбе, не обращая внимания на факты, бросаются с головой в омут, собирая вокруг себя смотрящих на них широко раскрытыми глазами последователей, пока, наконец, не терпят крах, унося с собой всех остальных. Альвийка очарована им. Она принимает его дикий порыв за судьбу. Она в плену его бесстрашия, не видя, что оно родом из обычной глупости.

Готрек смеётся, раздвигая плечи змия, в небо фонтаном бьётся кровь.

- Ты сказала, что вы убиваете этих зверей, потому что пытаетесь что-то найти?

Она кивает: - Невозможную вершину.

Название заставляет меня задуматься. Я уже точно слышал о ней раньше, но никак не могу вспомнить, что конкретно.

- Почему?

- Из-за какого-то пьянчуги в Аксантисе. Он сказал Готреку, что там есть бессмертный, который был прикован к камням самим Нагашем. Пьянчуга назвал его Аметистовым Князем. И теперь Готрек втемяшил себе в голову, что если этот «князь» бессмертный, то он, должно быть, из того же мира, что и он сам.

Моя кровь застыла.

- Я слышал о Невозможной вершине. Ваш пьяный приятель был прав, но Невозможная вершина очень опасное место. Это фрагмент подмира.

Она поднимает бровь.

- Готрек никуда не ходит, если там *не* опасно.

Раздаётся громopodobный хлопок - Готрек, наконец, вскрыл брюхо змия, вывалив внутренности твари на камни.

- Альвийка! - кричит он, отступая от трупа, его руки покрыты кровью, а в его единственном оке вспыхивает торжество. - Что ты видишь?

Она колеблется. Однако не отводит от меня взгляда. Оценивает. Она хочет, чтобы я ушёл. Она беспокоится о том, что я могу сделать с Истребителем. Почему-то защищает его. Руна, понимаю я. Она беспокоится, что я вырву руну прямо у неё из-под носа. Тогда бы получилось, что она терпела выходки этого хамоватого дуардина просто так. Она поворачивается к потрохам дракона, и я иду следом за ней, на моём лице появляется улыбка, когда в голове кристаллизуется мысль. Если альвийка не может принести руну в Азир, я сделаю это за неё. Никто бы не смог поставить под сомнение мою логику. Какая ещё может быть более важная причина для возвращения домой? А затем, в Азире, я буду избавлен от

всех этих тревожных воспоминаний и сомнений. Я буду обновлён.

- Ты делаешь всё неправильно, - замечаю я после нескольких минут наблюдения за тем, как она тычет в сырое месиво, рисует кровью символы и шепчет бессмысленные проклятья.

- Что? - поднимает она взгляд, сверкнув глазами.

Я снимаю эфирлябию с пояса и завожу медную катушку в её центре. Тонкие обручи свистят и щёлкают, вращаясь вокруг своего кристаллического купола, пока драгоценный камень внутри него не начинает светиться. Я держу устройство над дымящейся требухой. Уже начинают собираться мухи, но механизм невозможно сбить, он легко улавливает эфирные потоки, издавая щелчки, когда его зубцы встают на свои места. Глаза альвийки расширяются.

- Ты ординатор.

Я игнорирую её, продолжая настраивать инструмент, сродняющийся с потоком. Даже Истребитель выглядит заинтересованным. Часть дикости на его лице исчезает, и я вижу хитринку, которую ранее не замечал.

- Ты инженер? - спрашивает он.

Я молчу в ответ.

Он пристально смотрит на меня, а затем окидывает оценивающим взглядом различные измерительные инструменты, закреплённые на моей броне. В его взгляде появляется узнавание, и он называет несколько грубых технических терминов.

Когда зубчики эфирной ленты, наконец, со щелком встают на место, я сдвигаю ботинком несколько петель змиевых кишков.

После чего киваю в сторону узкого ущелья, ведущего из долины.

- Невозможная вершина там. В паре дней пути.

Готрек смеётся и хлопает меня по плечу, заставляя меня пошатнуться.

- Ну, наконец-то! Хоть кто-то хотя бы с половинкой мозга. Что я тебе говорил, ведьма? Мы уже почти на месте.

Он стремительно уносится в долину, напевая себе под нос. В один миг его настроение изменилось от сурового и раздражительного, до нетерпеливого и счастливого.

Маленет всё ещё стоит на коленях в окружении потрохов, вся в крови. Она недоверчиво смотрит на меня, а затем встряхивает головой и устремляется за Готреком, оттирая на ходу кровь с лица.

- А это? - спрашивает дуардин, подталкивая коротким, напоминающим зубило пальцем ещё один мой инструмент.

Мы сидели на корточках с подветренной стороны обгорелого ствола дерева. Готрек хотел идти всю ночь, но альвийка настояла на том, чтобы остановиться. Убиенный пик в темноте ещё опаснее, чем при свете дня. Всё ещё пребывавший в приподнятом настроении после новостей о том, что Невозможная вершина

уже близко, Истребитель, пусть и с неохотой, уступил.

- Похож на шатун на турбине, - сказал он.

Как ни странно, он, кажется, неплохо разбирается в технике. Его догадки неверны, так как он всё равно ничего не понимает в эфирном переносе, но это всё равно достаточно разумные догадки, основанные на здоровом понимании механики. Я ещё не видел дикарей, столь хорошо разбирающихся в науке.

- Это адилусскоп, - отвечаю я. - Что-то вроде планетария. Он отслеживает циклы владений и других небесных тел, - обычно я не был бы так открыт с незнакомцем, но дуардин всё равно умрёт через несколько часов, поэтому я позволяю себе немного потешить гордыню, описывая силы моих космолябий и другого геодезического оборудования.

- А это? - его глаз прищуривается, когда он смотрит на инверуссферу.

- Это меняет полярность эфира, - объясняю я, зная, что он понятия не имеет, о чём я говорю. Я сбиваю его с толку описаниями моих инструментов, просматривая их один за другим, удивляясь презрению на его лице. Он поднимает голову и бормочет что-то о дрянной работе, хотя ему ни за что не понять сложности машин.

У дуардина отыскивается мешок, полный бурдюков с пивом, и вот уже пошёл второй час, как мы пьянствуем.

- Неплохо для человека, - ворчит он, когда я приканчиваю уже второй мех.

- Ты понятия не имеешь, кто или что я такое, - отвечаю я. - Я мог бы пить всё это в течение пяти дней и при этом оставаться готовым к бою. Моя плоть была выкована на наковальне Апофеоза, а не вышла из чрева...

Я запинаюсь, боясь представить, из чего извлекли его самого.

Руна в его груди слегка мерцает, вспыхивая в глазу и окрашивая его в багровый. Затем он смеётся и кидает мне другой бурдюк.

- Ну-ну, поглядим, - говорит он, вытаскивая из мешка мех для себя, а затем снова тыкает в мою броню. - А это что делает?

Альвийка где-то внизу, в овраге, взяв на себя наблюдение за драконами, так что я позволяю себе расслабиться. С начала попойки голос в моей голове уgomонился и я чувствую себя немного спокойнее. Когда дуардин умрёт, я смогу вырезать руну из его останков и отправиться в путь. Моё возвращение в Азир будет намного более великолепным, чем я ожидал, если альвийка окажется хотя бы в половину права о силе этой руны - и, кстати, поведение моих инструментов заставляет меня склониться в сторону её правоты. Ведьма - дура, что позволила Истребителю жить так долго. Он открыто высмеивает Зигмара вместе со всеми богами, которых знает. Он - враг Бога-короля. И он животное. Такое же, как дракон, чей дымящийся труп он оставил в долине. Всё, что его волнует - кто из нас сможет выпить больше пива.

Ещё час спустя я начинаю чувствовать себя странно. Лицо Готрека смещается в полусвет и на нём появляется злобная ухмылка, как у горгульи.

- Что за? - бормочу я, косясь на бурдюк в руке.

- Первое приличное пиво, которое я нашёл в этой потной подмышке, которую ты зовёшь «владением», -

он вытирает пену с бороды предплечьем, толщиной с ногу. Пиво блестит на шрамах, усеивающих его кожу.

У меня возникает приводящее в замешательство ощущение, что я напился.

- Мне нужно отдохнуть, - заплетающимся языком бормочу я и откидываюсь на ствол, испытывая такое ощущение, будто гора качается подо мной.

Готрек усмехается, демонстрируя неровно обломанные зубы, а затем опускается на камень и тянется за другим пивным бурдюком, не испытывая ничего, кроме удовлетворения, что перепил меня.

«Значит, теперь ты убьёшь дуардина?»

Я морщусь. В моей голове и без того словно бы стучат молотками после пива, которое я выпил прошлой ночью, так что голос ощущается так, будто кто-то скребёт когтями по внутренней части моего черепа.

- Я не собираюсь никого убивать. Он хочет добраться до Невозможной вершины и я просто показываю ему путь.

«Ты знаешь, что с ним произойдёт, когда он приблизится к Аметистовому Князю. Нагаш заточил его там потому, что тот бросил ему вызов. Он там как пример. Как только Готрек коснётся его, то тут же будет разорван на куски магией смерти».

- Если он умрёт, то только потому, что глупец. Опасный глупец. И богохульник ко всему прочему. Он говорит об убийстве богов. Кто обвинит меня в том, что я позволил кому-либо так глупо покончить с собой?

«Ведьма».

Я оглядываюсь. Она поднимается по склону позади нас. Её глаза смотрят на меня. Всё это время она провела в услужении у нечестивого безумца и не сделала ничего, чтобы вернуть руну. Когда дуардин умрёт, я с ней разберусь. Мои пальцы касаются одного из моих молотов. И у меня уже есть неплохая идея, как именно.

- Человек! - раздался рёв Готрека откуда-то сверху. - Ты отработал своё пиво!

Я прибавляю шаг, карабкаюсь по камням, стремясь побыстрее добраться до Истребителя. Мы забираемся на выступ, выходящий на новый обрыв, и зрелище, которое встречает меня, оказывается ужасно знакомым. Другой мир был вдавлен в этот: Шайш. Невозможная вершина - это ледяное, переливающееся каменное копьё, торчащее из горы, абсолютно чуждое среди обесцвеченных солнцем камней, окружающих его. Камень, мерцающий и заиндевший, окаймлённый кусочками льда. Подобному нет места во владении Огня, и воздух это знает, скручиваясь вокруг Вершины в сверкающих, наполненных статическим электричеством спиралях. Если бы мы подошли с любого другого направления, то Невозможная вершина осталась бы скрытой от наших глаз. Это явно работа божественного разума. Даже в Шайше подобный осколок не был бы естественным - это одиночный изогнутый каменный коготь, и на его вершине располагается высокий альков, похожий на храм. В алькове горит пурпурно-синий огонь, цвет магии смерти, охватывающий фигуру внутри. Отсюда невозможно чётко разглядеть князя, поэтому я достаю одно из моих зрительных устройств и регулирую настройки, пока он не оказывается в фокусе.

Я кривлюсь. Он корчится от боли, но после всех этих веков всё ещё жив. Пламя обжигает его, кожа покрывается волдырями и отслаивается, но он не может умереть. Его глаза исчезли, расплавившись в почерневших глазницах, а плоть выглядит, как живой пепел, рассыпающийся и мерцающий в огне, но его агония вечна - предупреждение всем, кто возжелает бросить вызов так называемому Богу Смерти.

Я передаю устройство Готреку, и тот что-то бормочет на дуардинском, когда видит князя.

Истребитель находится в нескольких минутах от смерти. Магия Нагаша не сохранит Готрека, как делала это с князем, а просто спалит его дотла. Меня очаровывает, что он может столь слепо идти к собственной смерти.

- Зачем ты искал его? - спрашиваю я. - Чего ты хочешь?

- Отмщения, - рычит он, убирая смотровую трубу от глаза и передавая мне. - Боги лгали мне, приятель. Они обещали мне достойную гибель, а потом украли её у меня. Они притащили меня в ваши жалкие Владения без объяснения причин. Так что я собираюсь взять с них кровавую плату.

Я хочу было объяснить Готреку, что Аметистовый Князьникогда не был божеством, но потом понимаю, что это будет напрасной тратой времени - объяснять что-либо тому, кто считает, что может убить богов. Истребитель безумен. Я понял это в первый же миг, как увидел его. Я смотрю на руну в его груди. Празолото выковано так, чтобы напоминать лик помешанного, психованного огненного истребителя. И лик этот выглядит очень похожим на Готрека.

Я киваю и указываю на узкий мостик. Он ведёт через обрыв прямо к Невозможной вершине. Это тонкая каменная арка, парящая над пропастью, словно переброшенная верёвка, висящая благодаря какой-то скрытой уловке.

Альвийка присоединяется к нам у самого моста. Сам воздух, кажется, выступил против нас - он бьётся и шипит вокруг наших лиц, заставляя нас морщиться, когда мы идём по каменному настилу.

Мы проходим только половину пути, когда на той стороне начинают собираться фигуры.

- Да, - смеётся Истребитель, - Покажите нам, что вы можете.

Когда мы подходим ближе, я вижу, что поджидает нас - это трупы, останки мужчин и женщин, вырывающиеся из окружающих Вершину скал. Они обуглены до неузнаваемости, но, сжимая в руках топоры и мечи, двигаются так, словно им придана ясная, чёткая цель. Я приглушённо ругаюсь, глядя, как поверхность горы рождает всё новые и новые тела. Их уже сотни, пошатывающихся, но упорно бредущих в нашу сторону.

Готрек радостно ревёт и бросается вперёд, на торце его топора вспыхивает жаровня, когда дуардин скидывает его над головой.

Маленет шипит проклятие и, вытащив свои кинжалы, огибает меня и устремляется вслед за Истребителем.

Я не спешу, медленно вытаскивая свои молоты, пока Готрек с разбегу врезается в обгорелые скопища.

Он горит ярче, чем князь, с рёвом проламываясь сквозь толпу. Почерневшие тела разлетаются во все стороны и исчезают в расщелине под мостом. Готрек лишь чуть-чуть сбивается с шага, торя путь через поднявшихся мертвецов, и Маленет не отстаёт от него, кромсая и рубя.

К тому времени, когда я добираюсь до конца моста, уже десятки немёртвых стражей разорваны и скинуты в пропасть, но остаётся ещё достаточно, чтобы хватило и на мою долю. Я ступаю на Невозможную вершину, раскидывая трупы во все стороны, выбивая колдовство из их безжизненной плоти.

Мы пробиваем себе путь к горящему князю, и битва купается в фиолетовом свечении его костра. Готрек становится ещё более возбуждённым, пробиваясь через толпу с ещё большей яростью.

- Поторопись, мужик! - кричит он мне, махнув рукой.

Я делаю ему одолжение, наращивая темп. Когда Готрек умрёт, мне нужно быть рядом. Альвийка не является достойной хранительницей руны. Я должен быть близко, чтобы успеть вырвать свой трофей из его праха.

Когда мы приближаемся к алькову, в котором пылает Аметистовый Князь, становится трудно смотреть. Магия смерти ослепляет, истекая с кровью измученного князя и мелькая в рядах шаркающих трупов, рассеивая свет, словно ленты фиолетовых молний.

Мне приходится защищать глаза, пока я бьюсь на последних нескольких футах.

Я настолько ослеплён, что мне требуется несколько мгновений, чтобы понять, что Готрек повернулся ко мне лицом. На фоне нечестивого пламени я вижу только его силуэт, но чувствую, что настроение дуардина изменилось.

- Что...? - успеваю я сказать, прежде чем рукоять его топора врежется мне в живот.

Я так удивлён, что оказываюсь не готов к удару. Дыхание вырывается из моих лёгких. Я сгибаюсь пополам от боли. Такое чувство, будто я попал под срубленное дерево.

Прежде чем я успеваю выпрямиться, он наносит новый удар. На сей раз Готрек бьёт по шлему, и я растягиваюсь на камнях. Молоты выпали из рук и, звеня, заскользили по покатоному склону к мосту.

Когда мне удаётся сесть, моё зрение расплывается, но всё же я вижу, что Готрек держит в руках мою инверуссферу. Ярость пронзает меня. Это невероятно священное устройство, способное изменять полярность течений эфира.

- Думал, сможешь убить меня? - спрашивает он. На его лице играет мрачная улыбка. Он походя срубает ещё одного мертвеца, но не сводит с меня взгляда своего единственного глаза.

Я бросаю осуждающий взгляд на альвийку, но затем вспоминаю, что не поделился с ней своими планами.

Истребитель смеётся.

- Пьяные всегда разговаривают во сне. Особенно напыщенные пьянчуги, которые не могут выдержать своё пиво.

- Что? - хриплю я.

Он отворачивается и пробивается сквозь ряды нежити к Аметистовому Князю, не обращая внимания на языки пламени, что облизывают его, когда дуардин приближается к пленнику Нагаша.

- Меня не интересуют князья, - кричит он, умело настраивая инверуссферу.

С руганью я встаю на ноги, кулаками отшвыривая атакующих меня мертвецов. Готрек отнюдь не был пьян, когда я рассказывал ему про свои инструменты, а внимательно слушал и запоминал каждое моё слово.

Он смотрит в небо.

- Я вражду с богами!

Он поворачивает шестерёнку в устройстве и вбивает его в дёргающееся тело князя.

Вспышка света ослепляет меня, а затем исчезает, погружая Невозможную вершину во тьму.

Магия пронзает нежить, сбивая их с ног и швыряя в пропасть, с такой яростью обрушиваясь на скалы, что я снова падаю, катясь по камням к князю, словно древесный лист, гонимый ветром.

Жгуты эфирных молний ударяются в Невозможную вершину, разрывая воздух оглушительным воем и устремляясь от алькова к окружающим её пикам.

Готрек пошатывается, но остаётся на ногах, пока альков превращается в круговорот теней, дыма и частей тела.

Аметистовый Князь воет от восторга, когда, наконец, избавляется от мучений, а затем распадается, и обращается в прах, как и остальная нежить. Вихрь подхватывает прах и втягивает его внутрь.

- Нагаш! - ревёт Готрек. - Истребитель идёт за тобой!

Он выкрикивает боевой клич и входит в водоворот, следуя за мёртвым князем, исчезая с глаз.

Я пытаюсь отползти, но шторм неимоверно сильный, он неумолимо тянет меня к себе.

Раздаётся серия взрывов и Вершина распадается на куски, разлетаясь аметистовыми копьями во тьму.

Последним отчаянным выпадом я хватаюсь за мост, вцепляясь в тонкую арку, пока камни проносятся мимо моей головы.

Затем мои пальцы соскальзывают, и меня швыряет вперёд, с размаху впечатывая в скалы.

Меня несёт в водоворот, окружённый бурей из кружащихся трупов. А затем тьма забирает меня.

Я вою, чувствуя болезненный холод Шайша, пропитывающий мои доспехи и пожирающий руки. Мои воспоминания очищаются, и я вспоминаю в ужасающей ясности всё, от чего пытался сбежать. Но нет спасения от смерти.

Падая, я слышу Готрека, как он смеётся и поёт, ныряя в бездну.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Невозможная_вершина_/_The_Neverspike_\(рассказ\)&oldid=22118](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Невозможная_вершина_/_The_Neverspike_(рассказ)&oldid=22118)

Эта страница в последний раз была отредактирована 17 января 2023 в 00:30.